

SESSION 2014

**CAPES
CONCOURS EXTERNE**

**Section : LANGUES VIVANTES ÉTRANGÈRES
RUSSE**

ÉPREUVE DE TRADUCTION

Durée : 5 heures

L'usage de tout ouvrage de référence, de tout dictionnaire et de tout matériel électronique est rigoureusement interdit.

Cette épreuve comporte un thème et une version. Tous deux sont à traduire.

Dans le cas où un(e) candidat(e) repère ce qui lui semble être une erreur d'énoncé, il (elle) le signale très lisiblement sur sa copie, propose la correction et poursuit l'épreuve en conséquence.

De même, si cela vous conduit à formuler une ou plusieurs hypothèses, il vous est demandé de la (ou les) mentionner explicitement.

NB : La copie que vous rendrez ne devra, conformément au principe d'anonymat, comporter aucun signe distinctif, tel que nom, signature, origine, etc. Si le travail qui vous est demandé comporte notamment la rédaction d'un projet ou d'une note, vous devrez impérativement vous abstenir de signer ou de l'identifier.

Tournez la page S.V.P.

A

I. THÈME

Quelques mois après notre rencontre, Sylvie me présenta Édouard. Elle annonça sobrement : « C'est l'homme de ma vie. » Cette expression m'a toujours impressionné. Je demeure fasciné par cette éloquence grandiose, cette stabilité énorme qui concerne la chose la plus imprévisible qui soit : l'amour. Comment peut-on être certain que le présent prendra la forme du toujours ? Il faut croire qu'elle avait eu raison, puisque les années n'avaient pas entamé sa certitude initiale. Ils formaient l'un de ces couples improbables dont personne ne peut réellement saisir les points communs. Elle qui m'avait tant vanté l'art de l'instabilité était donc tombée folle amoureuse d'un étudiant en stomatologie. Avec les années, j'apprendrais à découvrir le côté artistique d'Édouard. Il était capable de parler de son métier avec l'excitation des créateurs ; fiévreusement, il épluchait les catalogues de matériel dentaire en quête de la roulette dernier cri. Il faut sûrement une forme de folie pour passer sa vie à contempler les dents des autres. Tout ça, j'allais mettre du temps à m'en rendre compte. Après l'avoir rencontré pour la première fois, je me rappelle avoir interrogé Sylvie :

« Franchement, qu'est-ce qui te plaît chez lui ?

— Sa façon de me parler de mes molaires¹.

— Arrête, sois sérieuse.

— Je ne sais pas ce qui m'a plu chez lui. C'est comme ça, c'est tout.

— Tu ne peux pas aimer un dentiste. Personne ne peut aimer un dentiste. D'ailleurs, on devient dentiste parce que personne ne vous aime... »

J'avais dit cela par jalousie, ou juste pour la faire sourire. Elle avait passé sa main sur mon visage, avant de dire :

« Tu vas voir, tu vas l'aimer toi aussi.

— ... »

À mon grand étonnement, elle avait eu raison. Édouard devint mon ami le plus proche.

David Foenkinos, *Je vais mieux*, Paris, Gallimard, 2013. Chapitre 1, p. 14.

¹ molaire = коренной зуб.

II. VERSION

Сильнейшая привязанность к вещам — к их биографии, географии, рождению и смерти — привела к тому, что в скороходовскую¹ коробку из-под ботинок я складывала то, с чем трудно было расстаться: треснувшую фарфоровую пиалу моего прадеда, в которой он хранил какие-то колесики и пружинки от часов, разбитый китайский набор для чаепития, который мой первый муж случайно смахнул плечом вместе с полкой, бабушкины лайковые перчатки (бальные!) такого размера, что они порвались, когда их хотела примерить одна толстенная двенадцатилетняя девочка, расплетшаяся наполовину прабабушкина корзиночка неизвестно для чего, горделивый значок Калужской гимназии госпожи Саговой и кусок клеенки из роддома, на котором написано имя моего двоюродного брата, родившегося через десять лет после меня. Всё это я собиралась когда-нибудь починить, реставрировать, склеить, залатать или просто определить на место. И лет тридцать таскала с квартиры на квартиру, пока во время одного из последних переездов, охваченная жаждой освобождения и очищения от всякого хлама, не выбросила все эти никчемные драгоценности на помойку. На минуту мне показалось, что я освободилась от своего прошлого, и оно больше не держит меня за глотку. Ничего подобного: все эти выброшенные штучки — наперечет! — я помню.

Однако эти черепки и остатки прошлого каким-то образом связаны с вещами нематериальными. Они символизировали прекрасные принципы и положительные установки, заимствованные идеи и остроумные концепции, которые я всю жизнь собирала в стройное здание, и иногда даже казалось, что оно уже прочно стоит на надежном основании и что многолетними усилиями выстроено цельное мировоззрение. Каркас этот оказался жестким и неудобным, как доспех средневекового рыцаря... Временами меня это очень беспокоило — благодарение Богу, ежеминутные заботы жизни сильно отвлекали от назойливого поиска высших смыслов. Не могу сказать, чтобы результат был сколько-нибудь значительным. Я очень близка к тому, чтобы выбросить все лабораторные тетради неудавшихся или плохо удавшихся опытов. К сожалению, обувная коробка, скорее модель, а может, метафора, описывающая универсальный процесс накопления богатства и последующего от него освобождения.

Людмила Улицкая, *Священный мусор*, Москва, Астрель, 2012, с. 9-10.

¹ «Скорород» : обувная фабрика.